

ЛЮБЯЩИЙ СЫН ВЕЛИКОЙ РОДИНЫ

Ушёл из жизни поэт Валентин Сорокин

"...Бережь Россию не устану, / Она — прозрение моё, / Когда умру, то рядом встану / Я с теми, кто берёг её" — так жил и так чувствовал Валентин Сорокин.

Без сомнения можно сказать, что он один из тех, кто создавал литературный процесс как в 1970–1980-е, трудясь в журналах "Волга", "Молодая гвардия", в издательствах "Современник", так и в 1990-е и 2000-е годы, несколько десятков лет возглавляя Высшие литературные курсы в Литинституте. Много литераторов, учеников Валентина Васильевича, и сегодня в профессии.

Его поэзия и драматургия — это лирическое переживание судьбы народа, но и мобилизация нашего национального самосознания. Валентином Сорокиным созданы образцы русского героического эпоса XX века: поэма "Евпатий Коловрат" — о легендарном русском богатыре времён Батыева нашествия; поэма "Дмитрий Донской" — о великом защитнике народа русского и веры православной; поэма "Ляхи" — о Смутном времени, периоде нашего государственного самоопределения; поэма "Бессмертный маршал" — о Георгии Константиновиче Жукове; драма "Палестинец" — история от бойни на арабской земле до предательства 1991 года в Бело-

вежской Пуще; "Прощание" — о великом русском учёном в области атомной науки Игоре Курчатове; несколько лирических поэм о любви.

В круг друзей и соратников Валентина Сорокина входили писатели Иван Акулов, Юрий Бондарев, Василий Фёдоров, Егор Исаев, Расул Гамзатов, Юрий Прокушев, Пётр Проскурин, Николай Рубцов, Эрнст и Валентин Сафоновы, Борис Можаев, Борис Примеров, Аршак Тер-Маркарян, Владимир Машковцев, Виктор Петелин, Владимир Фомичёв...

За каждым сказанным словом Валентина Сорокина стоят поступки. Он первым, когда это было ещё небезопасно, изучил дело Павла Васильева в архивах КГБ и опубликовал документальную очерковую повесть о безвинно, зверски убитом поэте. Вместе с Юрием Прокушевым Валентин Сорокин добился открытия памятника Сергею Есенину на Тверском бульваре в Москве.

Семья Валентина Васильевича пережила вместе со всем народом и раскулачивание, и голод, и войну, и непосильный труд в тылу. Из этих горестей он вышел поэтом и вынес любовь к своей стране и восхищение своим народом. Именно предчувствие опасности для Родины руководило им, когда в 1961

году Валентин Сорокин написал строки: "Нас предадут Кремлёвские мессии / За тайное / Стяжательство своё, — / Детей России, / Матерей России, / Сынов её и воинов её!..", а 18 декабря 1988-го они с Иваном Акуловым отправили срочную телеграмму в Верховный Совет в Кремль: "До каких пор вы намерены терпеть у руля государства и партии Горбачёва, болтливого человека или предателя, подчинённого полностью разрушительной идее ненавистника русского народа Яковлева, энергичного и агрессивного агента ЦРУ? Гнездо сионизма не в Тель-Авиве, а в Москве, под главным куполом Кремля. Мы, русские писатели, требуем суда над изменниками Родины!"

До последнего дня жизни Валентин Сорокин с отеческим и сыновним щемящим чувством откликался на события, происходящие в нашей стране. Честное и мужественное слово Валентина Васильевича Сорокина живёт в его учениках, соратниках, читателях... Его творчество — достояние и гордость русской культуры, оно никогда не служило никакому политическому режиму, оно принадлежит нашему народу и вечно будет служить России.

Ирина УШАКОВА

«О, НАРОД МОЙ, ОРАТАЙ И ВОИН...»

Россия! Родина поэтов,
Пути судьбы моей темны,
Глаза, как дуло пистолетов,
И на меня навешены.

И кровью вымазаться лире,
И горлу выхаркнуть свинцом,
Коль не один владыка в мире
Не прослезился над певцом.

Вот, в штатском галстуке,
Мартынов
Сидит в кафе и водку пьёт,
Не под скалою, так у тына,
Меня з затылок он убьёт.

Кого, кого он ищет взором?
Кто брат его? Кто друг? Кто бог?
Покрывл он прошлое позором,
Но спеться с будущим — не смог.

Умов слепое бездорожье
Трагедий века не решит,
Меня, взлетевшего над ложью,
Могильный крест не устранил!

Россия! Голову я поднял!
И слово выгранил, как меч.
Убереги меня сегодня,
Ведь завтра — некогда беречь...

ПЕРЕД БОГОМ

А мы живём, то плача, то робея,
То не суля пощады никому...
Я не хотел бы видеть, как Помпея
Исчезла в напозлающем дыму.

Я не хотел бы слышать, если боги
О гибели нам скорой говорят,
Пусть на моей и на чужой дороге
Всё те же звёзды вечные горят.

Сравнимы беды или несравнимы,
Грешно копаться в пекле и в золе,

Но мой народ лишь потому гонимый —
Добрее нет другого на земле.

Он заслонил знамёнами планету,
Идя вперёд и падая вперёд,
Так разбросал себя по белу свету,
Что, может быть, уже не соберёт.

И чем ему, действительно, гордиться,
Соседей спас и незнакомых спас,
Теперь легла железная граница
Между могили...
И разделила нас.

Не надо с нашим горем препираться,
Есть глухота, и есть могили зов:
А вдруг мы вновь надумаем подняться
Перед крестами братьев и отцов?!

ЛАДОНИ УРАЛА

Очень горько, когда непогода,
Дождь и сырость, и сыплются, и мгла.
Словно жизни святая свобода
Навсегда в черноте залегла.

Словно был ты и не был, и дали,
И окрестных пригорков леса
Отзвенели уже, отсверкали
На прощание — прямо в глаза.

Я, захлестнутый пламенем боли,
Всё утратил, что радостно нёс,
И летящее русское поле,
И мятежные крылья берёз.

Но, рождённый на звёздной дороге,
На ладонях Урала во мгле,
В этот миг и тоски и тревоги
Ничего не боюсь на земле!

Мне ли трудно понять, что ушедшим
Больше в мире покоя дано?
Без таких вот, как я, сумасшедших
Охладело бы солнце давно.

ЗА ОДНУ ТЕБЯ

Берёза юная взерустила
И накренилась чуть трава,
Когда ко мне ты отпустила
Свои летящие слова.

Я в эту ночь к созвездьям вышел
Тоску вселенскую принять,
И вдруг я голос твой услышал
И увидел тебя опять.

То голубым, то изумрудным
Сияньем утренней страны
Мы, словно птицы, в счастье трудном
На сотню вёрст озарены.

Здесь время стоном догоняют,
В покое ищут неуют
И, разлюбие, не изменяют,
А позабыв, не предают.

И ты, хранима небесами,
В объётом думами краю
Смиряешь юными глазами
Седую голову мою.

Кого я встречу иль не встречу,
Но до креста и под крестом
Я за одну тебя отведу
Перед собою и Христом.

ДУХ СВОБОДЫ

Памяти крейсера "Варя"
Есть усталость железного хода,
В скоростях издержался металл.
Есть пределы души у народа:
Разуверился, сникнул и сдал.
О, народ мой, ораатай и воин,
Пулей выбитый, взятый тюрьмой,
Ты, как море больное, спокоен, —
Только вздох и туман за кормой.
Только выплеск да свинченныи ротот,

Валентин Васильевич Сорокин (1936–2025), поэт, член Союза писателей, лауреат Государственной премии России, Международной премии имени М.А. Шолохова, Всероссийской премии имени С.А. Есенина и других. Родился в 1936 году на Южном Урале. Около 10 лет проработал в Первом мартене Челябинского металлургического завода. В 1965 году окончил Высшие литературные курсы. Вёл отдел поэзии в журнале «Волга» (1965–1967), отделы публицистики и поэзии в журнале «Молодая гвардия» (1967–1970). Был главным редактором издательства «Современник» (1971–1981). Руководил Высшими литературными курсами в 1983–2014 годах. Автор многих книг стихов, прозы и публицистики. Его стихи переведены на многие языки мира.

Да бунтарская хватка волны.
И не зря рулевой-недотёпа
Громко трусит твоей глубины.
За монархами в подвиге славном,
В гневне праведном, рыцарь земли,
Осенённый заветом державным,
Ты разламывал вдрызг корабли?
На широтах в заботе отважной
Ты не сгиб среди скальных ножей,
Обворованный злой и продажной
Бандой циников и торгашей.
Но грядущего знака расплаты
Не дано миновать никому.
В недрах дрёмы

рождаются раскаты,
Остро молнии рекут во тьму.
Дух свободы и воля свободы,
Не помается в бурю лоза.
Запевайте о Разине, воды,
Свет высокий, буди небеса!

РУССКИЕ МОТИВЫ

Лишь была бы Родина сперва,
И была бы мать моя здорова,
Под окном шуршала бы трава,
Во дворе мычала бы корова.

Русские от века не бедней,
Не богаче прочего народа,
Но замечать в небе лебедей,
Обуяет витязей свобода.

Русский в грудь грехоплачеено бьёт,
Думы взвееет и обиды взвееет,
С другом — и бурёнушку пропльёт,
А у края Родины — стрезвееет.

Дозвонит с лугов родимых рать
До него не славой, так мечами,
И за Коловатом умирать
Он пойдёт, а не за палачами...

Дом вернёт, и Родину, и дух,
Мать-старушку пожалееет в горе,
И ему решительный петух
Честно кукарекинет на заборе.

Ты же, прячась в наших именах,
Нас хоронишь заживо, бандюга,
Потому остаёшь на стреленах
Русская стремительная вьюга!..

Валентин СОРОКИН

"В ЧЁМ Я УВЕРЕН, так это в том, что с каждым десятилетием мои работы будут более и более понятны, ну а через 50 или 100 лет — вот тогда они зазвучат в полную силу, и все увидят в них наше время, которое, мне кажется, я удивительно чувствовал и умел разобраться в очень сложных явлениях нашего потрясающего XX века. Я рождён был удивительно точно во времени, мне этот век подходит, как ни один другой", — писал в своих мемуарах Александр Лабас — художник, мечтатель, почти философ.

Его работы — сновидческая реальность, помноженная на веру в прогресс. Лабаса захватывали грёзы, но он любил и технику. Он считывал настроение бравурно-моторной эпохи, но тем не менее вносил в своё творчество нежнейшие нотки лирики.

Александр Лабас — герой выставки "Невесомость", что проходит сейчас в музейном комплексе "Новый Иерусалим". У названия есть впечатляющий подзаголовок: "О скорости, прогрессе и любви". Это нечто вроде стихов Владимира Маяковского или рассказов Юрия Олеши. Днуновение времени. Рёв аэропланов, смех, лозунги, радио и — бурные чувства. Экспозиция приурочена к 125-летию со дня рождения художника, столь тонко запечатлевшего эру interbellum.

Итак, Александр Лабас родился в Смоленске в 1900 году. Ровесник века! Свои первые впечатления он изло-

это зарисовать. Рано проявившего способности юношу отдают в частную художественную школу. После Смоленска была Рига, а потом и Москва — её-то он и полюбил всем сердцем. Тут Императорское Строгановское художественно-промышленное училище, куда провинциал Лабас поступил безо всякой протекции. Кроме того, он занимается в студии пейзажиста-реалиста Фёдора Рерберга, а затем в студии Ильи Машкова — о, тут цвело буйное новаторство! Лабас уже тогда усвоил эти два почерка — реалистический и авангардный; он предпочитал и действительность, и фантазию, ловко совмещая их в своём искусстве. "Я всегда рисовал с натуры и очень увлекался, но мог и без натуры, на память или просто сочиняя", — скажет он впоследствии.

А вот и революция, которую начинающий художник тоже оценил с эстетической точки зрения! Он вспоминал: "Осенью 1917 года было как-то особенно красиво, и у

ВХУТЕМАСе: "Мне нравился там бодрый дух, часто скандальный и дерзкий, но это было в стиле того времени". Лабас молод, напорист и свеж, но он уже знает, почём фунт лиха. В 1920-х водилось много подобных ребят — с колоссальным опытом и юношеским румянцем. Помимо преподавательской деятельности, он рисовал, писал, теоретизировал.

В ЕГО РАБОТАХ появляется и главный герой — дирижабль, а потому на выставке собраны почти все картины и рисунки, так или иначе связанные с этим надувшим летательным аппаратом. В те годы на дирижаблях-цепелины возлагали большие надежды. Им отводили чуть ли не ведущую роль в воздухоплавании, считали перспективными, однако крушение германского аппарата "Гинденбург" положило конец эре дирижаблестроения. Но это случилось лишь в 1937 году, а пока человечество по обе стороны океана радостно приветствует каплевидный

железная дорога из Сибири в Среднюю Азию, построенная в кратчайшие сроки, всего за три года, в 1927–1930 годах. О той дороге рапортовали рабкоры, поэты сочиняли стихи. А живописцы устремлялись в творческие командировки. Лабас — один из них.

Советские художники обязаны были отражать развитие общества, в том числе индустриальное. Лабас часто выезжал на объекты, и не только на Турксиб, ставший тогда романтической стройкой № 1 в СССР. Вот "Уральский металлургический завод" (1925): производственное помещение, рабочие, свет. Сюжет прост, но исполнение нереалистично. Лабас всё и вся видел под особым углом.

В 1930-х он сделался ещё и театральным декоратором, оформляя спектакли в Театре революции, Театре имени В.Ф. Комиссаржевской и Государственном еврейском театре (ГОСЕТ). Кроме того, он создавал панорамы и диорамы для советских павильонов на международных выставках 1937 и 1939 годов. В ряде искусствоведческих статей вещается, как в середине 1930-х Лабаса обвинили в формализме и, что называется, перекрыли кислород. Однако сам факт оформления павильонов для престижнейших мероприятий говорит ровно об обратном. Поругать могли за излишнюю романтизацию бытия, но мастеру не связали руки и уж тем паче не репрессировали.

В его творчестве появляется Москва, ставшая к тому времени одной из крупнейших европейских столиц. "Я с самого начала был увлечён современным городом и жаждал передать его жизнь", — констатировал живописец. — Если взглянуть на московские улицы летом, на шумные толпы людей в ярких цветных платьях и костюмах из совершенно новых материалов на фоне мчащихся лавиной цветных машин, среди зелени, домов, электричества — всё это создаёт совсем новый характер и колорит. Импрессионисты великоплены в своём высоком искусстве городского пейзажа, но этого они не могли увидеть". Собственно, французские импрессионисты всего лишь останавливали мгновение, как это делают фотографы.

"Москва. Пассажиры" (1933): несколькими штрихами, изящно изображён трамвай. "Дом на Мясницкой улице" (1934): окна, балконы, люди — везде своя атмосфера. "Москва" (1937): движение и толпы. Москва — феешенбельный центр с автомобилями и общественным транспортом, новыми домами и нарядными гражданами. "Весна в Москве" (1937): распахнутое окно, зелень, дома, обновление природы и тёплый воздух. Лабас диковинным образом умел живописать небо и пространство. Тому пример — серия "Крым — Одесса — Батуми" (1936). Самолёты над морем, набережные, отдыхающие люди на палубе, огни, чайки.

ТЕПЕРЬ О ЛЮБВИ. Александр Лабас женился аж три раза — в бегемотной среде это сыпало нормой, и лишь последняя из жён сделалась подлинной музой. То была немецкая художница Леони Нойман, выпускница знаменитого "Баухауса" и ученица Василия Кандинского (русский авангардист блестяще преподавал в Германии). Лабас и Леони встретились в Крыму и с тех пор не расставались. Не так чтобы очень хорошенка-кая, но привлекательная, упитанная, модно одетая женщина, она была не чужда уюта, несмотря на энергичную и необузданную натуру. К слову, и для Нойман это был не первый брак — дама оказалась свободных нравов, чересчур эмансипированная.

Лабас прожил долгую жизнь, постоянно восхищаясь новинками своего века. В его мемуарах есть и такие строки: "Мне хотелось бы дожить до 2000 года, но, конечно, со способностью видеть, чувствовать, переживать, что уже очень трудно, почти невозможно, но мне хотелось бы помечтать прожить весь XX век целиком, самый удивительный век, век потрясающих открытий, революций в жизни, науке, технике, искусстве. И всё это было у меня на глазах. Всё было реальным переживанием и во многом с моим непосредственным участием". К сожалению, он скончался в 1983 году. Леони пережила его на тринадцать лет. Но романтика жива, хотя дирижабли остались в далёком прошлом.

Галина ИВАНКИНА

«Дирижабль над городом». Художник Александр Лабас. 1931 г.

жил в воспоминаниях: "Я любил наступление вечера с его таинственностью, постоянно чего-то ждал и вглядывался в темнеющий город, горящие, сверкающие золотом окна домов, розовые купола на соборе. Солнце, казалось, падало — так быстро оно проваливалось за линию горизонта. И вот уже половина, и через миг — четверть его раскалённого диска отражалась в узенькой полоске уходящего вдаль Днепра".

У Лабаса — изумительно чуткая душа. Он с детства наблюдал радость мира, а потом пришло желание всё

меня возникло чувство затишья перед бурей. И это напряжённое состояние, поразившее меня, тишина в переулке, красивая осень и предчувствие гигантских событий".

Лабас — участник Гражданской войны, об этом повествует автопортрет "Красноармеец. На Дальнем Востоке". После демобилизации работал в Екатеринбурге, тут он впервые участвовал в художественной выставке. В 1924 году по приглашению самого Владимира Фаворского он едет обратно в Москву, чтобы преподавать в самом прогрессивном учебном заведении Европы —